

> МАТИС ТРАЛЪ >

МАРИЯ КОРЕЛЛИ

Убийство Делиции

Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
К66

Maria Corelli

THE MURDER OF DELICIA
1896

Перевод с английского *Елены Парахневич*

Литературный редактор *Сергей Рюмин*

Школа перевода
В. Баканова

Художественное оформление *Натальи Портяной*

Корелли, Мария.

К66 Убийство Делиции / Мария Корелли ; [перевод с английского Е. Парахневич]. — Москва : Эксмо, 2027. — 224 с. — (Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-247145-2

Делиция Воан — знаменитая писательница, талантливая, красивая и боготворимая читателями. Она искренне любит своего мужа, лорда Карлиона, принимая его за идеального мужчину. Но за античной красотой и безупречными манерами скрывается эгоистичный бездельник, привыкший жить на деньги жены и искать развлечений на стороне.

Когда Делиция узнаёт об измене мужа с танцовщицей Ля Мариной, её безмятежный мир рушится. Не желая устраивать публичный скандал, она сохраняет достоинство и погружается в работу, однако предательство медленно разрушает её изнутри. Кто убил Делицию — внезапная болезнь, бессердечие мужа или общество, которое требует от женщины молчаливого терпения?

Это роман о любви, браке и незримом насилии, способном уничтожить человека задолго до его физической смерти.

Роман выходит впервые на русском языке.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-247145-2

© Парахневич Е., перевод на русский язык, 2027
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2027

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Я прекрасно понимаю, что этот краткий и безыскусный очерк про самую обыкновенную житейскую трагедию вызовет решительное неодобрение со стороны так называемого сильного пола. Мне с негодующим пафосом заявят, что образ лорда Карлиона целиком и полностью рожден моей фантазией и такого «подлеца», каким он здесь представлен, в действительности существовать не могло. Предвидя подобные обвинения, заранее отвечу: оба главных героя моей повести — и лорд Карлион, и его супруга — взяты непосредственно из жизни; поскольку их реальные прототипы уже много лет как покинули мир земных недоразумений и страстей, мое описание не способно причинить им ни боли, ни обиды. Однако Делиция и впрямь погибла от руки своего супруга именно так, как здесь представлено.

Подобные «убийства» совершаются вокруг нас тысячами, однако закон не считает их преступлением. Сколько женщин без устали трудятся и днем и ночью, дабы содержать бесполезных и недалеких мужей; женщин, чья любовь не знает сомнений, чье терпение неисчерпаемо, а нежность нередко вознаграждается лишь грубым равнодушием и презрением.

Я не имею в виду бесчисленные примеры из жизни трудящихся масс, которых принято называть «низшими классами», где жена, надрываясь с раннего утра

до позднего вечера, вынуждена смотреть, как «лучшая половина» пропивает весь ее заработок в кабаке, тогда как дома нет ни крошки хлеба, а дети плачут от голода. Подобные сцены настолько привычны, что давно перестали вызывать у нас не только сочувствие, но даже интерес.

Я говорю прежде всего о высшем обществе, где ленивый аристократический бездельник сперва обрастает долгами, а потом ищет состоятельную женщину, способную их покрыть, — женщину, на доходы которой он сможет жить в роскоши до конца своей никчемной жизни. Скажем прямо: большинство мужчин нашего времени нисколько не возражает против того, чтобы сидеть на шее у женщин. Да, в этом нет ни мужества, ни благородства, но поскольку люди такого склада не обладают отвагой или разумом и не способны самостоятельно найти свое место в жизни, то вполне естественно, что, видя беспощадную конкуренцию в любой отрасли современного труда, они предпочитают трусливо прятаться за женскими юбками.

Особенно мне хочется обратить внимание вдумчивых читателей на одно обстоятельство. Именно такие мужчины, достигнув своей намеченной цели, то есть заполучив богатую супругу, на чьи средства можно безбедно существовать, первыми начинают поносить женский труд, женские права, женские успехи и женскую честь. Мужчина, который имеет возможность садиться за накрытый стол лишь благодаря неустанному труду своей супруги, чаще других рассуждает о «бесполезности» женщин, их пустоте, легкомыслии и общей ограниченности.

А если женщина обладает выдающимся умом и ее труд приносит деньги, позволяющие мужу жить так, как ему вздумается, в окружении всяческих удобств и роскоши, то он — в клубе или в любом другом месте, где можно на-

пустить на себя вид независимого господина, — начинает с напыщенной досадой сетовать на то, что существуют дамы, которые «желают стать умными» и тем самым на-чисто «теряют женственность»¹.

Именно эти слова о «потере женственности» неизменно швыряют в лицо талантливым особам всякие писаки, которым удалось выпросить себе в газете уголок, чтобы бросаться оттуда камнями. Если женщина написала выдающуюся картину — значит, она «потеряла женственность»; сочинила великую книгу — тем более. И вообще всякая женщина, осмелившаяся на любой честолюбивый поступок вместо того, чтобы покорно лечь к ногам мужчины и позволить ему попирать себя, в мужском представлении перестает быть достойной уважения, и на нее с равнодушной, подлой и не достойной мужчины жестокостью вешают клеймо «утраченной женственности».

А теперь посмотрим на другую сторону медали. Какие занятия мужчина снисходительно позволяет женщине, не награждая ее этим позорным эпитетом? В первую очередь он согласен видеть ее на сцене. В особенности на сцене мюзик-холла, которая, по его мнению, в наибольшей мере подходит для ее «скромных» дарований. Его не радует, когда женщина достигает высот Рашель или Са-

¹ Отсылка к словам леди Макбет из одноименной трагедии Шекспира (I, 5):

*Слетайтесь, вы,
Смертельных мыслей духи, измените
Мой женский пол и от главы до пят
Меня жестокой злобой напоите. (Пер. С. Соловьева.)*

В викторианской критике это выражение использовалось как уничижительный ярлык для женщин, выходящих за рамки предписанной гендерной роли, — писательниц, ученых и т. д. (*Здесь и далее — прим. переводчика.*)

ры Бернар¹. Пафос трагедии оставляет его равнодушным, а изображение душевных мук вызывает лишь смутное чувство жалости или удивления, но отнюдь не восторга. Комедийная актриса ему тоже не по нраву: ее кокетство и звонкий смех, конечно, привлекательны, но раздутое самолюбие, свойственное даже самому захудалому светскому болвану, рождает у него подозрение, будто под маской сценической игры женщина втайне смеется над ним и над всем мужским родом.

Нет! Ни высоты трагедии, ни изящество комедии на сцене не доставят мужчине такого удовольствия, как нечто среднее — своего рода «ничейная земля» искусства, где от женщины требуется только тело и улыбка. Красивое тело, приученное изящно двигаться и радовать глаз, и приветливая улыбка, распускающаяся при виде бокала шампанского и иных прелестей жизни, — вот все, что необходимо нашим доблестным мужчинам.

Если это тело каждый вечер почти донага раздевается на сцене, женщину никогда не назовут «утратившей женственность». О ней этого не скажут, даже если она злоупотребляет вином или бренди. Но стоит другой женщине, столь же прекрасной телом, предпочесть скромность и посвятить себя созданию великих произведений искусства — не хуже мужских! — как ее тотчас объявляют «изменившей своей женской натуре».

И я спрашиваю себя: почему мужчина предпочитает унижать женщин, а не возвышать их и не славить? Это ложный и очень опасный путь. Он принесет немало бед будущим поколениям.

¹ Р а ш е л ь (Элиза Рашель Феликс, 1821–1858) — выдающаяся французская актриса, самая знаменитая исполнительница трагических ролей середины XIX века. С а р а Б е р н а р (1844–1923) — великая французская актриса, к 1890 годам ставшая одной из первых по-настоящему всемирно известных театральных звезд.

Когда я пишу эти строки, то невольно вспоминаю одного человека, который нынче живет в одном из самых модных кварталов Лондона, — мужчину, пользующегося немалым уважением в состоятельных и титулованных кругах. Несколько лет назад он женился на очаровательной американке — исключительно ради денег — и с тех пор превратил ее жизнь в сущее мучение. Она любит его — увы! — и, хотя он позволяет себе грубо оскорблять ее при посторонних, упрекает даже при слугах и гостях за обедом, ведет себя как жестокий тиран, она покорно терпит. Почему? Ради детей.

По ее глубокому женскому убеждению, дети должны уважать отца, поэтому она забывает свои обиды и старается сохранять в доме мир и порядок. Именно ее деньгами оплачены роскошные обеды и приемы, которыми ее муж каждый лондонский сезон хвастается перед знакомыми. Саму же ее он постоянно оттесняет на задний план, с готовностью увиваясь вокруг очередной модной полусветской красавицы, напрочь забывая о том, что занял то положение в обществе, которым теперь так гордится, лишь благодаря щедрости своей жены.

И подобных примеров бесчисленное множество. Сколько мужчин, обязанных женщинам своим положением и успехами, потом оборачиваются против своих «добрых ангелов» и истязают их всеми возможными способами, не наказуемыми законом? Женщина же по рукам и ногам связана любовью — самой сильной и благородной частью своей натуры. Однажды отдав мужчине сердце, она уже не в силах вырвать из груди эти чувства и признать, что она потратила их впустую. Таковы были беда и неизлечимая рана Делиции. Такая же беда и неизлечимая рана стали участью тысяч других женщин.

Пожалуй, нет особой нужды подробно обсуждать еще одно постыдное и унижительное проявление совре-

менной «мужской природы», которое часто встречается в нашем обществе. Я имею в виду жалкое положение некоторых «благородных» господ. Поставив себя в противоестественную, ненадежную зависимость от денег жены, они позволяют ей беззастенчиво играть своей честью и добрым именем, предпочитая не замечать откровенных измен, делающих их посмешищем и предметом презрения для всякого уважающего себя человека.

Обществу пошло бы на пользу, если эти «лакеи голубых кровей» наконец поняли бы, что мужское достоинство дороже любых денег, и по собственной воле отправились бы на тяжелую работу — на золотые прииски, например, или еще куда-нибудь, — чтобы честно зарабатывать на жизнь, вместо того чтобы проводить дни в праздности, молча наблюдая за вольным, бесстыдным поведением своих жен.

Я намеренно выбрала историю Делиции из множества ей подобных как типичный пример той участи, какая нередко выпадает женщинам, сумевшим собственным умом и силами добиться славы и богатства. Мужчины, считающие себя «сильным» полом, допускают в своих суждениях об «умных женщинах» три ошибки: первую — в оценке женского сердца, вторую — касательно их стойкости в труде и третью — в отношении внешней красоты. Если женщина проявляет себя в литературе или искусстве, мужчины тотчас же решают, что она неспособна испытывать нежные чувства, ее успехи недолговечны и что она безобразна собою.

Что касается нежности, то женщина, которая мыслит, много читает и внимательно изучила человеческую жизнь во всех ее удивительных и порой печальных проявлениях, гораздо глубже понимает редкость и ценность истинной любви, чем та, которая никогда ни о чем не размышляла и ничему не училась. Женщина-мыслитель-

ница как никто другой сознает, сколь необходимо быть доброй, терпеливой и снисходительной к ближним, ибо в любой миг смерть может разорвать самые тесные узы и положить конец счастливым мечтам. И потому в ее любви — если она действительно любит — гораздо больше силы, правды и страсти, чем в поверхностном чувстве женщины, живущей лишь ради светских развлечений и порхающей от удовольствия к удовольствию, подобно мотыльку-однодневке.

В вопросе постоянства труда женщина тоже ничуть не уступает мужчине, потому что стойкость в стремлениях зависит прежде всего от характера. Мужская слава может быть столь же хрупка и мимолетна, как и у слабой женщины, если сам мужчина по природе своей непостоянен. Но если поставить мужчину и женщину рядом и дать им одинаково твердую волю и настойчивость, то женский ум нередко опередит мужской, потому что у женщин острее инстинкты и тоньше внутренние стремления.

Что до внешности, то умная женщина вовсе не обязательно бывает старой и некрасивой. Иногда такое случается, но далеко не всегда. Она может быть молода и прекрасна, однако мужчины все равно предпочитают бегать за очередной буфетчицей или артисткой из мюзик-холла, ярко накрашенной и с тонкой талией, которой она обязана лишь мастерству корсетницы. Мужчины искренне полагают, что именно такие создания должны служить эталоном женской красоты. Скажи им, что великий художник — это молодая красивая женщина, и они рассмеются в лицо. Обмолвись, что автор величественной мраморной группы в римской галерее — женщина с восхитительной улыбкой и фигурой, достойной самой Психеи, они недоверчиво пожмут плечами и скажут: «Нет, нет, умные женщины всегда „теряют женственность“. Приведите мне лучше буфетчицу, продавщицу, танцовщицу,

артистку или воздушную гимнастку — кого угодно, только не чистую, воспитанную и благородную даму, которая могла бы стать матерью моих сыновей».

Таков порядок вещей, и, если верить ученым-физиологам, он сулит мало хорошего Англии. Правы ли эти мудрецы и пророки грядущих бедствий или ошибаются в своих предсказаниях, сказать трудно, но ясно одно: подлинное предназначение женщины еще не исполнилось. Она идет к нему, но слишком часто выбирает неверные пути и направляет силы не в ту сторону. Свое место рядом с мужчиной она обретет не в борьбе с ним и не в поддержке его деньгами, добытыми тяжелым трудом или доставшимися по наследству. Так не сделать своего спутника настоящим мужчиной. Нельзя женщине и перенимать его привычки или разделять любовь к развлечениям.

Сила ее заключается в другом — в том, чтобы развивать и бережно хранить все лучшее, что есть в женской природе: чувственность, изящество и красоту; в том, чтобы с усердием, но не забывая о скромности, заниматься умственным трудом; и в том, чтобы подавать безупречный пример мягкой сдержанности и чистоты. Если женщина станет такой, то вполне возможно, что ее будут «убивать» так же часто, как «убили» Делицию. Однако утверждение новой веры нередко требует жертвы от тысяч мучеников.

Когда мужчина наконец поймет, что женщина создана не для того, чтобы быть его игрушкой или служанкой, а чтобы стать ему товарищем — самым близким, лучшим и верным из всех, кого даровал ему Господь, — тогда все изменится. Брак будет благом, а не проклятием, и не останется Делиций, которых можно «убить», потому что исчезнут мужчины, утратившие честь и не гнушающиеся предавать поверивших в них женщин.

Мария Корелли
6 июля 1896 года.

УБИЙСТВО ДЕЛИЦИИ

ГЛАВА 1

С юга сквозь большое квадратное окно с решетчатым переплетом в кабинет Делиции вливался поток теплого весеннего солнца, рассыпая густое сияние и словно приветствуя хозяйку и все вокруг золотой улыбкой. Оно сверкало в желтых чашах нарциссов, гордо поднимавшихся из причудливой коричневой египетской вазы; затем пробежало по перламутровой мандолине на стене, будто извлекая из ее струн неслышимую мелодию, дрожащую тонким тремоло; после чего, водрузив светлый венец на волосы Делиции, устремляло острый луч к Антиною¹, чьи приоткрытые мраморные губы изгибались в загадочной и чуть насмешливой улыбке, точно собираясь в любую минуту произнести язвительное замечание о женских нравах. Эту копию знаменитого бюста эпохи Адриана из Британского музея Делиция купила лишь потому, что усмотрела в ней сходство с мужем. Никто другой его не замечал, но для самой Делиции оно было очевидным и неоспоримым.

¹ Антиной — близкий друг римского императора Адриана, правившего в Риме в 117—138 годах. После его гибели Адриан велел создать множество скульптур с его изображением. Оригинал самого известного бюста хранится в Британском музее.